

3. Кульчицький О. Світовідчуття українця / О. Кульчицький. Українська душа. – К. : Фенікс, 1992. – 128 с.
4. Літературознавча енциклопедія : у 2 т. Т. 1 / [авт.-уклад. Ю. І. Ковалів]. – К. : ВЦ Академія, 2007. – 608 с.
5. Літературознавча енциклопедія : у 2 т. Т. 2 / [авт.-уклад. Ю. І. Ковалів]. – К. : ВЦ Академія, 2007. – 622 с.
6. Наливайко Д. Теорія літератури й компаративістика / Д. Наливайко. – К. : Вид. дім “Києво-Могилянська академія”, 2006. – 347 с.
7. Порівняльне літературознавство: підручник / В. Будний, М. Ільницький. – К. : Вид. дім “Києво-Могилянська академія”, 2008. – 430 с.
8. Руснак І. Є. Художня історіософія Уласа Самчука : монографія / І. Є. Руснак. – Вінниця : “Державна картографічна фабрика”, 2009. – 368 с.
9. Самчук У. Волинь: [роман у трьох частинах] / У. Самчук. – Острого-Львів : Вид-во НаУОА, “Спалах”, 2005. – 632 с.
10. Самчук У. Юність Василя Шеремети : [роман] / У. Самчук. – Рівне : Волинські обереги, 2005. – 328 с.
11. Самчук У. О. На білому коні. На коні вороному: Спомини і враження : у 2 ч. / У. О. Самчук. – Острого-Луцьк : Вид-во НаУОА, ПВД “Твердиня”, 2007. – 424 с.
12. Янів В. Нариси з української етнопсихології / В. Янів. – Мюнхен : УВУ, 1993. – 217 с.

УДК 821.161.109

*Елена Курбакова
(г. Нижний Новгород)*

ОБЪЕКТ ИРОНИИ В АВАНТЮРНОМ СЮЖЕТЕ ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА “МЕТЕЛЬ”

В статье анализируется пушкинская ирония с точки зрения ее объекта. Объектом иронии в повести А. С. Пушкина “Метель” являются мысли и чувства героев, склонных к решению добиться своего “благополучия” путем авантюры. По Пушкину, блуждание в “метели” является проявлением динамики поиска смысла жизни, однако обретение счастья предполагает готовность к покаянию – способность героя извлечь уроки из каждого своего поступка.

Ключевые слова: авантюра, сюжет, проза, ирония, объект, динамика, статика, покаяние.

Курбакова О. В. Об’єкт іронії в авантюрному сюжеті повісті О. С. Пушкіна “Заметіль”. У статті проаналізовано пушкінську іронію з позиції її об’єкта. Об’єктом іронії в повісті О. С. Пушкіна “Заметіль” є думки і почуття героїв, схильних до рішення домогтися свого “благополуччя” шляхом авантюри. За Пушкіним, блукання в “заметілі” є проявом динаміки пошуку сенсу життя,

однак отримання щастя передбачає готовність до покаяння – здатність героя зробити висновки з кожного свого вчинку.

Ключові слова: авантюра, сюжет, проза, іронія, об'єкт, динаміка, статика, покаяння.

Kurbakova E. V. Object of Irony in Adventurous Plot of Pushkin's "Snowstorm". The article examines Pushkin's irony from the perspective of the irony object. In Alexander Pushkin's "Snowstorm" the thoughts and feelings of characters are the object of irony. The heroes choose to acquire "well-being" by risky venture. By Pushkin, walks in the "snowstorm" is a sign of the search for the meaning of life, but finding happiness implies willingness to repentance – ability to draw lessons from each of his act.

Key words: risky venture, storyline prose, irony, object, dynamics, statics, repentance

Степень изученности проблемы. Пушкинская проза является весьма значимой областью не только литературоведов-пушкинистов, но и представителей смежных областей: лингвистов, культурологов, психологов. В данной сфере существует целая исследовательская литература – от В. Г. Белинского, считавшего прозу Пушкина лишь "побасенками", до исследований последних десятилетий (труды С. Г. Бочарова, В. Э. Вацура, Н. Н. Петруниной, Л. Г. Фризмана, Н. К. Гея, Л. И. Вольперт, Г. В. Краснова, В. М. Марковича, В. Е. Хализева и др.). Несмотря на то, что с начала 1990-х гг. наметилось в известном смысле новое направление – так называемое "христианское" литературоведение, исследователями по-прежнему оказывается недостаточно внимания к осмыслению религиозных мотивов в прозе А. С. Пушкина.

Постановка и цель исследования. Цель исследования заключается в определении значимости выбора объекта иронии для утверждения автором глубины и судьбоносной роли таинства покаяния в православии.

Изложение материала. Авантюрный сюжет в прозе А. С. Пушкина, как правило, предполагает иронию [1], в основе своей восходящую к авторскому противопоставлению динамики и статики в сюжете. "Движение" и "покой", на первый взгляд, являют собой два противоположных состояния: что не статично, то динамично, и наоборот [2]. Отсюда может быть сделан вывод, что множество хаотичных "движений" не только не способствуют обретению верного пути (направления, решения и т. д.), но приводят к путанице, смяте-

нию, хаосу, страданию. Авторская ирония в данном случае выступает как позиция, возникающая при осознании “ироничности” самого человеческого бытия. Являясь “средоточием искусства”, ирония “состоит в снятии идеи самой же идеей” [3, 421], и стремление пушкинских героев добиться желаемого путем авантюры может рассматриваться как отступление от “жизни, т. е. истины” [4, 29].

В повести “Метель” ирония очевидна в авторском отражении чувств и помыслов героев, ставших причиной предпринятой ими авантюры: “Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и, *следственно* [здесь и далее курсив автора статьи], была влюблена. *Предмет, избранный ею*, был бедный армейский прапорщик... *Само по себе разумеется*, что молодой человек пылал *равною* страстию... Они клялись друг другу в вечной любви, *сетовали на судьбу* и делали различные предположения. Переписываясь и разговаривая таким образом, они (*что весьма естественно*) дошли до следующего рассуждения: если мы друг без друга *дышать* не можем, а воля жестоких родителей препятствует нашему *благополучию*, то нельзя ли нам будет обойтись без нее? *Разумеется*, что эта счастливая мысль сперва пришла в голову молодому человеку ... Владимир Николаевич в каждом письме умолял Марию Гавриловну *предаться* ему, венчаться тайно, скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей, которые, *конечно*, будут тронуты наконец *героическим постоянством и несчастьем* любовников и скажут им *непреречно*: Дети! Придите в наши объятия”. Ирония важна как прием контраста видимого и скрытого содержания, как одно из художественных средств, способствующих глубокому раскрытию ценностного смысла жизненных явлений. Пушкин-прозаик “структурно организованному тексту («блестящие выражения») противопоставляет «простое» содержание, которое мыслится как сама жизнь” [5, 325].

Метель, в которой “заблудились” многие, является кульминацией авантюры в повести. Но природная стихия “вытесняет” иронию. И в дальнейшем иронии в повести не будет. Ветер, снег, вьюга, холод, тьма – стихия метели объединяет в себе множество природных сил. Каждый человек, в душе которого воцарился хаос, будет “заметён”, сбит с ног, запутан страстью: Марья Гавриловна обладала “романическим воображением”, Владимир был необычайно порывист, Бурмин в молодые годы – ветрен. Потому в судьбах героев “метель” начинается не только внезапно, но и закономерно. Однако последствия

“метели” для каждого из героев окажутся различными. Автор обусловит их осознанием каждым своей вины в случившемся.

Более всего “пострадает” Владимир Николаевич. Дело не в том, что его жизнь в скором времени пресечётся – он по воле автора отличится в Бородинском сражении и имя его будет овеяно славой. Владимир так и не сможет осознать греховности своего неосуществившегося замысла: умолять Машу “предаться ему, венчаться тайно, скрываться несколько времени” и уповать на милость ее родителей. И только Богу ведомо, что помыслил Владимир, когда узнал, что “в метель” его избранница была повенчана с другим! Он не стал ничего выяснять и сподобился лишь написание гневного “полусумасшедшего письма” ее родителям... Поистине метель! В мыслях, чувствах, поступках!

Если Владимиру все казалось очевидным и легко достижимым, Маша и до побега испытывала невероятное смятение. Наносная влюбленность в свой “предмет” вступала в противоречие с ее любовью к родителям и преданностью им. Сон накануне “решительного дня”, “нежная заботливость и беспрестанные вопросы отца и матери раздирали ее сердце”. Выздоровление Марии Гавриловны от “горячки” явилось символом осознания ею ответственности за свой поступок и решимостью на долгие годы проявлять в этом удивлявшее всех “постоянство”.

Полковник Бурмин, позволивший себе “непонятную, непростительную ветреность” в отношении одного из судьбоносных для человека таинств – таинства венчания, также принял для себя решение пресечь прежние “проказы”: считать себя женатым. Навсегда. Не изыскивая оправданий.

Вся жизнь Бурмина и Маши после “метели” – это покаяние. Покаяние глубокое, проистекающее из осознания своей вины. Покаяние искреннее, в основе которого – готовность нести наказание и искупить совершенный грех. И, по Пушкину, здесь нет места иронии.

Какого же окончания событий можно было бы ожидать? На что могут рассчитывать пушкинские герои? Финальный виток авантюрного сюжета “Метели” удивительно закономерен. И проистекает он не из авторского произвола создать happy end... Финал повести обусловлен глубочайшим пониманием А. С. Пушкиным таинства исповеди в православии. Начиная с эпиграфа, сюжет “Метели” создается в черно-белых тонах: роковое событие в жизни героев произой-

дет зимой по причине внезапной метели. Однако для них наступит весна жизни. Объяснение героев состоится в саду, под ивой у пруда. Герой бросится к ногам своей возлюбленной. Данной Богом, единственной...

В конце XIX столетия великий русский прозаик А. П. Чехов в своей повести “Дама с собачкой” удивительно верно заметит: “Как всё прекрасно на этом свете, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своём человеческом достоинстве”. Автор в прозе Пушкина – “соглядатай и сердцеиспытатель” [6, 378] своих героев, а не ментор для читателя. Обычные, заурядные проявления действительности автор стремится отразить на основе выявления таинственных начал в жизни человека. Автор вовсе не отдаёт предпочтения статике, сюжет динамично развивается: в то время, когда родители Марьи Гавриловны спокойно переживают метель в стенах уютного и теплого дома, “дети” в эту метель оказываются “связаны” своей авантюрой.

Выводы. А. С. Пушкин-реалист не отрицает значимости мыслей и действий в поиске человеком верного пути. По Пушкину, в основе счастья человека заложена способность (или неспособность) извлечь уроки из каждого своего поступка. Или говоря словами А. П. Чехова – способность осознавать “высшие цели бытия” и иметь представление “о своём человеческом достоинстве”.

Примечания и литература

1. “Сократовская” ирония, корни которой – в сознательном отчуждении автора от его творения, проявляется у Пушкина-прозаика в своеобразии повествовательной структуры: система повествователей в “Повестях Белкина”, рассказ от лица героя с дальнейшим появлением издателя в “Капитанской дочке”, жанр эпистолярных записей в “Романе в письмах”, “Марье Шонинг” и др.
2. В этой связи часто упоминают о “фаустовском” и “обломовском” типах личности. “Фаустовский” тип – так называемый “западный” тип, стремящийся, двигаясь “по вертикали”, путем проб и ошибок обрести ценность бытия. “Обломовский” (так называемый “восточный”) тип статичен: не ища ничего, “горизонтально” созерцает жизнь.
3. Зольгер К. В. Ф. Эдвин. Четыре диалога о прекрасном и об искусстве / К. В. Зольгер. – М. : Искусство, 1978. – 427 с.
4. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. XV / А. С. Пушкин. – М. : АН СССР, 1948. – 312 с.

5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 372 с.
6. Вяземский П. А. Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина // П. А. Вяземский. – Полн. собр. соч. : в 12 тт. Т. XI / П. А. Вяземский – М. : Изд. графа С. Д. Шереметьева, тип. М. М. Стасюлевича, 1879. – 312 с.

УДК 82.091

Інна Лісовська
(м. Івано-Франківськ)

ЗАСОБИ ВИРАЖЕННЯ ГРОТЕСКНИХ ОБРАЗІВ У РОМАНІ ОЛДОСА ГАКСЛІ “ЖОВТИЙ КРОМ” ТА ПОВІСТІ МИКОЛИ ХВИЛЬОВОГО “САНАТОРІЙНА ЗОНА”

У статті зроблено спробу виокремити та типологічно зіставити засоби вираження гротескних образів у романі Олдоса Гакслі “Жовтий Кром” та повісті Миколи Хвильового “Санаторійна зона”. Проаналізовано та визначено їхню художню функціональність.

Ключові слова: гротеск, образ, карнавал, маска.

Лисовская И. В. Средства выражения гротескных образов в романе Олдоса Хаксли “Желтый Кром” и повести Николая Хвильового “Санаторийная зона”. В статье сделана попытка выделить и типологически сопоставить средства выражения гротескных образов в романе Олдоса Хаксли “Желтый Кром” и повести Николая Хвильового “Санаторийная зона”. Проанализирована и определена их художественная функциональность.

Ключевые слова: гротеск, образ, карнавал, маска.

Lisovska I. V. Means of Expressing of Grotesque Images in Aldous Huxley’s Novel “Crome Yellow” and Mykola Khvylyovy’s Narrative “Sanatorium Zone”. In the article it is made an attempt to single out and typologically compare means of expressing of grotesque images in Aldous Huxley’s novel “Crome Yellow” and Mykola Khvylyovy’s narrative “Sanatorium Zone”. It is analysed and determined its artistic functionality.

Key words: grotesque, image, carnival, mask.

Постановка наукової проблеми та її значення. Олдос Гакслі та Микола Хвильовий творили в одну епоху, гостро та неоднозначно сприймаючи культурно-історичні процеси, які відбувались на початку ХХ ст. Одним із найбільш дієвих засобів художнього